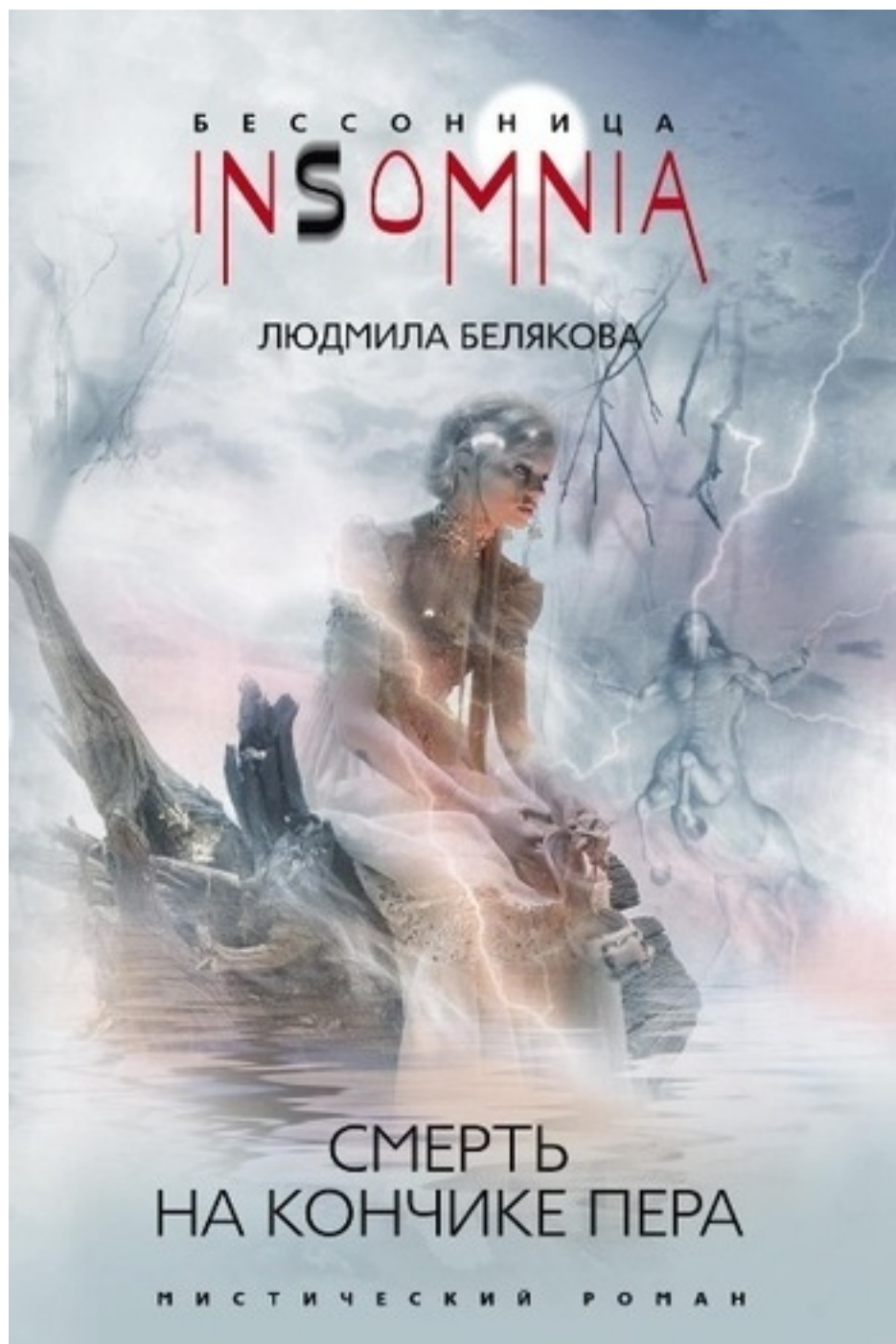

Б Е С С О Н Н И Ц А
INSOMNIA

ЛЮДМИЛА БЕЛЯКОВА

СМЕРТЬ
НА КОНЧИКЕ ПЕРА

М И С Т И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Людмила Белякова

Смерть на кончике пера

«Центрполиграф»

2009

Белякова Л. И.

Смерть на кончике пера / Л. И. Белякова — «Центрполиграф»,
2009

Работа и жизнь в маленьком городке столичному журналисту Андрею неожиданно понравились. Попадались истории просто уникальные. Особенно заинтересовала журналиста его предшественница Анна Коваленко – все герои опубликованных девушкой материалов вскоре после общения с ней или тяжело заболели, или умирали. Мысли об Анне теперь не выходили у Андрея из головы. Поводов еще больше разыграться воображению молодого человека добавили местные жители, совершенно уверенные в правдивости множества ходивших по окрестностям легенд о русалках и водяных конях. И в этой связи опять всплыло имя Анны. Андрей твердо решил найти таинственную женщину и докопаться до сути ее странной истории...

© Белякова Л. И., 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	35
-----------------------------------	----

Л. И. Белякова

Смерть на кончике пера

Мистический роман

– Вы меня не слушаете, Андрей, – слегка укоризненно проговорила немолодая усталая женщина. – Я же сказала – никакая раскрутка мне не нужна.

– В других газетах публикации об экстрасенсах идут в очередь или на коммерческой основе, а я вам предлагаю вне очереди и бесплатно. Это вы меня не слушаете, Ксения Петровна. Женщина укоризненно покачала головой:

– Я уже час рассказываю вам, что я не экстрасенс и никогда им не была. Я бух-гал-тер.

Материал летел в тартарары. Андрей уже представлял, что скажет ему главный редактор: «Ты, ведущий репортер газеты, двухметровый красавец блондин, не смог развести на интервью сорокалетнюю бухгалтершу?...»

Он посмотрел в окно, повертел в руках новенькую, только что купленную в соседнем киоске авторучку и бросился в новую атаку:

– А почему тогда люди говорят, что вы можете посмотреть на фотографию и сказать, жив человек или мертв, и никогда не ошибаетесь?

– Это было всего три раза, – словно оправдываясь, уточнила Ксения Петровна. – А сказала я так, чтобы люди надеялись.

– Но ведь вы знали, где их искать!

– Андрей, я живу в этом городе всю жизнь, помню, где сама лазала в детстве... Проживете здесь подольше – сами таким же экстрасенсом станете!

Хозяйка встала, надела передник и недвусмысленно поглядела на Андрея – а не пора ли тебе и честь знать, добрый молодец?

– Так вы не хотите дать интервью? О вашем даре?

– Никакого дара нет. Элементарные наблюдательность и внимание – я ж на деньгах двадцать лет сижу. И потом... Все эти целительницы – толстые, не обращали внимания? Я сама с трудом держусь, а если меня так, как их, разнесет...

Она махнула рукой и опять присела напротив.

– Они хорошо зарабатывают, – выложил последний аргумент Андрей.

– За это нельзя брать деньги.

– Ну, хоть судьбу напоследок предскажите. – Он нарочито безнадежно вздохнул. – Можете?

– Это каждый человек может.

– Как?

– Обыкновенно. Вот вы сейчас пойдете в свою редакцию...

– ...и получу от редактора по шее. Спасибо. Я действительно мог предсказать это сам.

Она тихо рассмеялась:

– Вам с самого начала дали неправильную информацию. Это не ваша вина.

– А на перспективу что-то можете предсказать? Ну, хоть на десять лет вперед?

– Так далеко я не вижу.

– А! – обрадовался Андрей. – Значит, все-таки вы ясновидящая?! Вот я вас и поймал!

Она опять смущенно улыбнулась, помолодела и похорошела.

– Тогда скажите, что меня ждет этой весной, летом... Вон как пригревает...

Ксения Петровна посмотрела на него повнимательнее, чуть склонила русую голову к плечу.

– Весной, летом вы... будете плутать, часто идти по ложному следу, но он-то и приведет вас к нужному месту. Вы только прислушивайтесь к себе.

Она осеклась. Еще раз внимательно посмотрела на него.

– Если вам самому надо будет – приходите. Знакомым я действительно... иногда помогаю. Порожек какой-то у вас на пути... знаете... как в лесу – отоптанный корень через тропинку...

Очередной номер сдавался в типографию по средам, поэтому четверг был чем-то вроде дополнительного, негласного выходного. В одной из двух комнат, которые занимала редакция, за выключенным компьютером вязала Валя, средних лет миленькая шатенка, ответственный секретарь.

– Борода на месте? – спросил Андрей, прекрасно зная, что главного редактора нет.

– Не-а, – ответила Валя, не отрываясь от рукоделия. – А оно тебе надо?

– Ни в коем разе, – буркнул Андрей.

– А, красивый, и тебя бухгалтерша бортанула? – Валя подняла на него смеющиеся глаза. – Ее Костик две недели обхаживал, и тоже без толку. Зато она сказала ему, где его мамка сережку золотую потеряла, наследственную.

– Нашли?

– Нашли.

В текущий номер Андрей дал полосу об одном преинтересном парнишке – воре и сыне вора. Папаша этого «гения» только полжизни провел на воле, успел, однако, родить наследника и между посадками обучить милое, голубоглазое создание основным приемам ремесла. Парень воровал – виртуозно, с фантазией, неплохо знал и лазейки в УПК. Разговаривая с Андреем в приемнике-распределителе, посетовал, что через полгода ему исполнится четырнадцать и попадаться уже будет нельзя – загудишь в колонию. В приемник Павлючок – фамилия у него была такая – попал не за кражу (за кражи он давно не попадался), а, можно сказать, за детскую шалость.

...Их всем классом повели на концерт в местную музыкальную школу. Павлючок ученической музыкой не прельстился, без особого труда ускользнул из малого зала, забрался в большой концертный зал, где выступлений приезжих знаменитостей ожидал трофейный «Бюхнер», из чистого любопытства разобрал рояль, рассовал по карманам клавиши из натуральной слоновой кости, несколько латунных молоточков и скрылся.

Директриса музшколы, очнувшись от обморока, заявила в милицию. Сыскари быстро сложили два плюс два, все остальное было делом техники. Раны старого немчуры оказались смертельными, поскольку Павлючок успел ко времени поимки раздарить и растерять большую часть добычи, оставшееся пошло на вещдоки. «Бюхнера» списали на мамку варвара, худую женщину с заплаканным лицом, наваяли гражданский иск в три тысячи у. е. Самого воришку – скорее от отчаяния и бессилия – отправили чуток посидеть.

– И чего базарят? – удивлялся парень, пялясь на Андрея невинными глазами. – Я че – эти три штуки им не найду? Была забота...

Но этот материал пойдет в следующем номере, завтра. Газете до зарезу нужны были забойные материалы. За полгода в городе появилось два новых издания, оба с хорошими спонсорами, туда перелетели все «лучшие перья». Средств работать себе в убыток у издателя было месяца на два-три, конечно, если газету не поддержат местные власти.

Полгода назад Андрея выманили из столицы на приличный для молодого журналиста оклад, оплачивали съемную квартиру в старом трехэтажном доме, и он был просто обязан давать в каждый номер полосный первоклассный материал...

– О чем задумался, супермен?

Рядом притормозил светлый москвичок. За рулем сидела Тамара, девица, на место которой пригласили Андрея. Он видел ее пару раз, когда та забирала вещи из редакции, но запомнил – яркая девушка. Она перебежала к конкурентам и сейчас вела страницу в дамском еженедельнике «Подмосковная мимоза».

– О вечном.

– Нет, о чем?

– Творческие проблемы.

– Ну слава богу. Я думала – личные...

– Настоящий журналист не отделяет личное от профессионального.

– Да? Буду знать.

Сама Тамара была толковой девчонкой, но не была профессионалом. Учитель иностранного языка, сбежавший в газету от скуки и бескормицы.

– Хочешь, тему сдам? Садись!

– Тут такое дельце, – по-деловому заговорила Тамара, нажимая на акселератор. – Только ты пристегнись, а то это такая история – улет.

История действительно оказалась еще та... Один местный фермер покупал у воинской части пищевые отходы. Когда среди них оказались какие-то желтоватые кирпичики, пахшие тухлыми яйцами, он внимания не обратил – наверное, списали какой-то старый пищеконцентрат.

Свинки жрали его так, что уши тряслись. А через некоторое время из загона раздались... взрывы. Несчастных хрюшек разметало кровавыми ошметьями по окрестностям. Хозяин решил, что его предприятие подверглось нападению конкурентов либо мусульманских экстремистов, и стал звонить в милицию. На взрывы милиция примчалась быстро, подоспел ОМОН. Вид деревенского подворья, заваленного разорванными свинными тушами, поверг в ужас даже бывалых мужиков.

Три дня подряд Андрей ездил на ферму, ожидал, что фермер придет в себя. Следователь городской прокуратуры, рассказывая о случившемся, едва сдерживал истерический смехок: те кирпичики, которые впарили бедняге крестьянину за пищевые отходы, оказались списанной, чуть ли не довоенного производства взрывчаткой, негодной даже для глушения рыбы – так думали военные. Но пережеванная свинками взрывчатка в желудках размякла, перебродила и... Вышло то, что вышло.

Андрей призвал на помощь все свое мастерство, описал, как на дереве зависла свиная голова с разинутой пастью – фотографии сделать не удалось: фотокор Костик был в отпуске, – и спросил, когда безобразия в армии перестанут давать повод для черного юмора?!!

Через неделю, получив номер газеты со свинками, вспомнил, что надо поблагодарить Тамару, и набрал номер «Мимозы». Резвой вострушки в редакции не оказалось, и Андрей со спокойной душой отправился на интервью к местному политику. Тот занял свой пост только что, заменил безнадежно больного шефа и безбожно пиарился.

Интервью прошло как по маслу: вопрос-ответ, вопрос-ответ. В конце политик поинтересовался, откуда взялся Андрей, и показал подшивку «Крестьянской газеты» со статьей о его предшественнике.

– Вот в таком же духе хотелось бы, – сказал политик, попивая ароматный красно-коричневый чай. – И хлестко, и по делу. Не знаете, где теперь эта девушка?

Подпись под статьей Андрею ничего не говорила – какая-то Анна Коваленко.

– Нет, сейчас такой в редакции нет.

Работы было на остаток дня – расшифровать диктофонную запись, распечатать и отнести на сверку заказчику.

Из редакции Андрей перезвонил Тамаре и все-таки засек ее в «Мимозе».

– А ты чего на мобильный не звонишь? – поинтересовалась она.

– А ты мне номер давала?

Брюнетка с крутыми кольцами кудрей, Тамара была не в его вкусе, но своими живыми черными глазами и натуральным румянцем могла свести с ума почти любого.

– Недостатка в поклонниках у тебя нет, но я просто обязан поблагодарить тебя. Свиная разрывная произвела на Бороду неизгладимое впечатление.

Слово за слово, они договорились вечером пятницы пойти в модный клуб.

Пятничным утром в редакции его сразу подхватил Борода:

– Андрюш, я понимаю, что это не твой уровень, но Валя отпросилась по семейным обстоятельствам. Набросай по-быстрому некроложек, а? Человек уважаемый был... А то я сам по горло занят.

Он сунул Андрею завивающийся в трубочку факс.

– Вот основные вехи славной жизни почившего, и еще, если успеешь, пролистай по-быстрому подшивку за ноябрь-декабрь – там должно быть большое интервью с ним – посмотри детальки для утепления образа, ладно?

Борода умильно взглянул поверх пластмассовых «лекторских» очков и юркнул к себе. До свидания с Тамарой было далеко. Андрей сел за компьютер, набил текст и, вспомнив пожелание шефа, пролистал подшивку «Крестьянской газеты». Почти машинально взглянул на подпись, слегка удивился – там тоже значилась Анна Коваленко.

...Поди тоже в другое издание слиняла...

Главный был рад его оперативности. Андрей собрался было домой, но что-то дернуло за душу – он знал это иногда накатывавшее на него беспокойное состояние. Материал наклеивается!..

Вернулся к себе, еще раз пролистал подшивку за прошлый год.

Загадочная Анна Коваленко почти в каждом номере печатала по большой, полосной статье. По мелким мишеням не была – ее «клиентами» были люди с положением и званиями. Месяца три назад статьи исчезли – вероятно, ловкую интервьюерку перехватили конкуренты.

Встретиться с Тамарой они должны были на ближних подступах к клубу. В принципе Андрей танцев-плясок под оглушительную музыку не любил, шел только для поддержания полезной связи.

Тамара была одета в черное – блестящее, стильное, хоть и мрачноватое.

– Привет. Невероятно выглядишь.

Андрей заплатил за вход, и под тяжелым взглядом охранника они прошествовали внутрь. Народу оказалось немного, и они уселись за барную стойку.

– Пользуясь случаем, хочу поблагодарить тебя за помощь. Будь здорова!

Они чокнулись бокалами с коктейлем по местному рецепту, и тут Андрей почувствовал, что ему не о чем с Тамарой говорить. К счастью, она заговорила сама:

– Как там Борода?

– Нормально. На нем все и держится.

– Бородку не сбрил?

– Куда Бороде без бороды!

И тут Андрей вспомнил об интервьюерше.

– Том...

Она кивнула, блестящие, похожие на искусственные кудряшки упали ей на лицо. Журналистка отвела их за уши и уставилась на него, ожидая вопроса.

– Просвети меня, бедолагу приبلудного. Кто такая Анна Коваленко?

– А-ха-ха! – Девушка рассмеялась громко и, кажется, немного нарочито – видно, подействовал крепкий коктейль. – Анька тебя заинтересовала...

– Не она, ее материалы. Я по поручению Бороды подшивку просматривал, она полосу за полосой делала, а потом исчезла.

– У-у, это история еще та. Не хуже свиной. Еще коктейльчик закажешь – расскажу.

– Конечно, – разулыбался довольный Андрей. – Зачем же мы сюда пришли? Пить, гулять, беседовать.

Бармен намешал им еще по бокалу, и они отправились за дальний столик – у стойки становилось шумновато.

– Мы с этой Коваленко в одной школе работали, даже в одном педучилище. Только она на два года старше...

Тамара отхлебнула из бокала.

– Когда я пришла в ту школу работать, она там вела русский язык и литературу, только вышла замуж за учителя физкультуры. Ну, это был брак... Представляешь – этот му-у-у... – она хихикнула, – жик приходил в учительскую и вместо «здрасьте» говорил: «Вы представляете, моя благоверная опять сожгла котлеты, так что я сегодня голодный и злой». Ну просто с грязью ее мешал. Тетки пожилые ему даже замечания делали – как вы можете так говорить о своей жене? Он на них чуть ли не с кулаками кидался – люблю, поэтому и воспитываю. Настоящий мезогинист.

– Кто?

– Мезогинист, деревня. Женоненавистник то есть.

– Ты где же таких слов-то набралась, а?

– В Интернете, где ж еще. Некоторые даже считают, что это сексуальное извращение. Ну, он над ней измывался, и все под тем предлогом, что добра желает. С таким добром и зла не надо... Фамилию она менять не хотела, так он со скандалом настоял.

– А почему не хотела?

– А что хорошего в этой коленке-коваленке? Плебс! – Она опять фыркнула. – У нее своя фамилия была классная – Озерных, а? Даже псевдонима не надо – Анна Озерных!

– И как все это кончилось?

– Как и должно было кончиться – года не прожили, она от него сбежала. Он бесился дико, потом Анька из школы свалила в газету. Он в редакцию приходил, орал, чтобы она к нему вышла, с охранником подрался – сильный же, мастер спорта... Ужас! Развод не давал, но их как бы автоматом развели, поскольку детей нет.

– Ну и отстал от нее физкультурник?

– Он никогда бы не отстал. Попал по пьяни в аварию, на байке, сломал бедро, как-то особенно зловредно, со смещением, а потом и вовсе помер – лечиться толком не хотел и схлопотал общий сепсис.

– А она?

– Пообтерлась в газете, вошла в штат, это уже при мне было. Ее Борода прям на руках носил. Месяцев, наверное, восемь мы проработали вместе, а потом она – как отрубила. Подала заявление и ушла, даже уехала куда-то. Ей Борода замглавного сулил, она и слушать не стала – ах нет-нет, извините.

– Уехала из города?

– А что это мы все про нее?

Андрей улыбнулся:

– Ну... и про тебя тоже. Если б я про эту деву озерную не спросил, может, и про тебя ничего бы не узнал.

– Такой прием, да? Поделись профессиональным секретом с дилетанткой?

– Я никогда особенно вопросов на интервью не задаю. Человек говорит о том, что его волнует. Волнует его – взволнует и читателя.

...Потом они пили и танцевали. Андрей проводил Тамару до дома, из вежливости поцеловал в ушко и проследил, чтобы она вошла в лифт одна.

– Позвонишь? – спросила девушка, когда захлопывались дверцы.

– Куда я теперь без тебя?...

В субботу Андрей завернул в редакцию. Валя разбирала читательскую почту.

– Спасибо, что подстраховал, – сказала в ответ на приветствие.

– Это ты о чем? – не понял он.

– Да о некрологе.

– Забудь. Есть что-нибудь интересное?

– Ну, как сказать... В чисто психологическом плане. Почитай. Тут имеет место глубокая патология...

Она протянула ему несколько листов, исписанных ровными, разборчивыми строчками. Какая-то дама – «Малинина Е. В., пенсионерка, 82 года» – подробно описывала злодеяния своей соседки, молодки шестидесяти лет, которая своими подлостями сживала ее со свету. Например, жаловалась Малинина, та, живя на этаж выше, подкармливала птиц, гадить они слетались на ее балкон, поэтому ей пришлось на свою ничтожную пенсию его застеклить.

«А что, может получиться неплохой психологический очерк, – подумал Андрей. – Если за неделю ничего лучше не подвернется, сойдет и это».

– Валь, скажи Михал Юричу, что я пошел по письму.

– К склочнице?

– Зачем же такие тривиальные ходы? Обижаешь!

Ледяные натопыши, истекая двусмысленными струйками, таяли на припеке. На голых ветках восторженно пищали воробы. Жуть, сколько звука получается из такого крошечного создания!

«А не надо ли позвонить этой чернявой?... Бог с ней... Еще подумает, что я всерьез».

В сущности, ему неплохо жилось в этом городе, но связываться с ним навсегда – не хотелось. Нарботать побольше публикаций, и можно двигать в солидное московское издание. В кармане затрещал мобильник. Звонила Тамара.

– Спасибо за очаровательный вечер, – поблагодарил Андрей почти искренне.

– Чем занят, если не секрет?

– Иду на свидание с шестидесятилетней злодейкой.

– Закончишь – брякнешь?

– Спасусь – брякну.

Хрущоба, в которой проживали что-то не поделившие старушенции, находилась в старой части города. Сверившись с адресом на конверте, Андрей зашел в подъезд. Перед этим заметил, что только один балкон, угловой, на пятом этаже, остеклен. Значит, ему на четвертый, к птичнице.

Дверь открыла седая дама в байковом халате. Андрей привычным жестом предъявил корреспондентское удостоверение. Дама презрительно поджала губы.

– Опять гражданка Малинина в газету написала?

Андрей виновато улыбнулся и пожал плечами:

– Ну, что есть, то есть, Клавдия Филипповна. Пустите бедного журналиста, а? Меня послали, и я должен отчитаться. Пожалуйста...

Андрей давно усвоил, что здесь, чисто по-деревенски, принято разуваться на пороге и чувствовал себя неуютно, сидя на людях при галстуке и в носках.

Хозяйка пропустила его из прихожей в светлую комнату.

– Не удивляетесь? – Обвела вокруг рукой: – Ведь евроремонт.

Действительно, стены были покрыты жидкими, светло-абрикосового цвета обоями, вместо деревянной рамы стоял приличный стеклопакет. На этом фоне старомодная мебель выглядела чуть несуразно.

– Гражданке Малининой всем обязана. Чаю попьете, Андрей?

– Да, спасибо. А как гражданка М. это организовала?

– Уж не по доброй воле. Одно время, как нам телефоны установили, она повадилась...

Да вы присаживайтесь.

Андрей примостился на шаткую, тонконогую кухонную табуретку.

– Катерина Васильевна приноровилась – то ко мне скорую помощь вызовет, то милицию... Потом хихикала, участковому глазки строила – мол, люди шуток не понимают. Когда он пригрозил у нее телефон снять, за объявления принялась. Увидит, фирма с выездом на дом ремонт холодильников производит, и вызовет их ко мне. Один раз аквариум привезли устанавливать – на полкомнаты – хоть купайся.

– Да, фантазия неисчерпаемая. Теперь, значит, соседка на эпистолярный жанр переключилась. По какой причине?

– Да вот, после ремонта, – хозяйка хитро улыбнулась, – и переключилась.

Она разлила чай по чашкам, присела у столика.

– Вызвала по телефону агента из ремонтной фирмы. Я опешила, когда они на пороге появились, со светом, с камерами... Я ведь у них тысячной клиенткой оказалась, юбилейной. Я протестовать пыталась, а они за три дня все сделали, пока я в пансионате отдыхала – и все за счет фирмы. По кабельному телевидению меня показывали, в газетах писали. Рекламная акция.

– Представляю, каково самочувствие гражданки М.! – легкомысленно хмыкнул Андрей.

– Представляете? – покачала головой Клавдия Филипповна. – Вряд ли. Ей от этого плохо с сердцем сделалось, она попыталась скорую вызвать, но они этот адрес знали, приезжать не захотели, мол, опять хулиганский вызов. Чуть не померла!..

– А почему она именно на вас ополчилась?

– А больше не на кого. Над ней – никого. Сосед по лестничной клетке – старичок, он большей частью на даче. Другой сосед – офицер-отставник, она его боится. Да у нее такое всю жизнь творится. Наши семьи соседями были, через дом жили, в Озерках – за городом, как в Москву ехать. Я-то помоложе, помню, как она в первый раз замуж выходила. Красивая была, ее люди русалкой звали, за светлые волосы... Только муж у нее через полтора года зачах, непонятно от чего. Перед войной опять замуж вышла – недолго горевала, родила. Муж с войны вернулся. Но долго не прожил – умер от сердца. На фронте четыре года без ранений, а тут... От пули немецкой ушел, а от жены родной через год помер. Я и не знаю, в который раз она вдовая – в четвертый, в пятый. Ее народ за глаза стал «черной вдовой» да «паучихой» звать, а она – смеется: «Бог дал – Бог взял, другого найду»... Вы к ней пойдете?

– А как же.

– Долго не сидите, а то захвораете.

– Я думаю, мне это не грозит, – усмехнулся Андрей. – А у нее кто-то еще есть, родные, внуки?

– Сын из-за нее тоже раза три женился. Она его сама разводила... Капала на мозги, пока он не уходил от жены. Была еще внучка, но куда-то делась. Сами спросите.

...Восьмидесятилетняя русалка долго не открывала, Андрею пришлось кричать через железную дверь, что он из газеты, по ее письму. Из двери напротив выглянул пузатый мужчина в белой майке – верно, отставник.

В шелку, перетянутую цепочкой, на Андрея глянули выцветшие, с красными прожилками зеленоватые глаза. Андрей показал удостоверение и письмо, еще раз повторил, что из газеты.

– Долго шли, – прошипела гражданка М., пропуская его в квартиру.

В коридоре было надсадно-душно, откровенно воняло старухой.

– Письмо пришло вчера. Сегодня я у вас, – терпеливо объяснил Андрей. – Все достаточно оперативно.

Гражданка М. провела его в комнату, застеленную разлохматившимися, домашнего тканья половиками, усадила на протертый стул, посреди комнаты перед окном, в которое заглядывало солнце.

Андрей почувствовал себя как на допросе в гестапо.

Почти напротив него стояло некое сооружение вроде комода, покрытое вязаной скатеркой. На нем красовалось несколько фотографий, старых, черно-белых, одиночных и групповых, причем, как заметил Андрей, больше мужских.

«Коллекция Дианы-охотницы», – усмехнулся про себя.

Из более или менее новых фото было только одно, цветное, – молоденькая девушка, школьница, с типично славянскими чертами лица и длинными светлыми волосами, – должно быть, внучка.

– Ну и что вы мне скажете, молодой человек? – проскрипела М., тяжело опускаясь в кресло.

– Я хотел вас послушать.

– Там все написано – соседка меня со свету сжить хочет. – М. скривила бесцветные губы. – Я ее еще девчонкой помню, она всегда хулиганкой была.

– Ваша соседка, насколько мне известно, имеет правительственные награды за доблестный труд на благо Родины и персональную пенсию...

Старуха заерзала, глянула куда-то в сторону.

– Они меня ненавидят! Все!

– За что, Екатерина Васильевна?

– За то, что я красивая была!

– Ну, женщина вы, безусловно, до сих пор очень интересная, но не думаю, что это повод для особой ненависти.

Наверное, сказано это было естественно: старуха вдруг как-то подобралась, горделиво закинула голову и, наконец, чуть улыбнулась.

– Что? Стара уже?

– Ну что вы... Вам сколько лет, извините за нескромность, Екатерина Васильевна?

– Восемьдесят пять.

– Выглядите вы на шестьдесят с небольшим. Вы бы лучше рассказали мне о своей жизни. У такой интересной женщины и жизнь должна быть яркая. Вот фотографии...

Старуха тяжело поднялась, подошла к комоду, взяла в руки желтовато-коричневую карточку в деревянной рамке.

– Это мой первый муж, он еще до войны умер, это второй муж, сын у нас есть, Аркадий. Только вы не подумайте, что я какая гулящая... Я красивая была очень, парни от меня с ума сходили, но я со всеми своими мужьями по любви жила и была расписана.

Она поставила на комод последнюю рамку и поглядела на Андрея.

– Вам Клавка, поди, рассказала, что меня в Озерках паучихой звали?

Она фыркнула – как юная обольстительница в ответ на робкое признание влюбленного.

– Я мужиков слабых да хворых к себе принимала, кормила-поила, от себя кусок отрывала, а они все равно помирали.

– Понятно... А это – что за девочка на фотографии?

– Это-то? – загадочно переспросила старуха, передавая фото в металлической рамке. – Внучка моя. Вся в меня – красавица!..

Девушка, одетая в летнее платье, была снята вполоборота, на фоне кустов сирени. Светлые прямые волосы распущены по плечам. Правильный, прямой носик, большие светлые глаза, тонкая талия... Андрей невольно поднял глаза на бабуку, сравнивая – да, за морщинами и коричневыми пятнами угадывались высокие скулы, пухлые губы, такие же светло-голубые глаза.

– Нравится? – ревниво спросила старуха, забирая из рук Андрей фотографию.

– Как же не нравится...

– Так что, молодой человек, примете вы меры против моей соседки?

– Конечно, Екатерина Васильевна. Передадим ваше письмо в милицию, попросим разобратся.

Старуха передернула плечами.

– Они ей ничего не сделают!

Резко повернулась, поспешно достав из кармана платок, поднесла к глазам.

– Ну, Екатерина Васильевна, зачем так. Вот телефон редакции...

Он протянул ей визитку. Старуха поспешно ее взяла, забыв всхлипнуть. Андрей отметил, что глаза у нее абсолютно сухие.

– Звоните в любое время. А... сын и внучка навещают?

– Редко. Никому не нужна стала... Снаружи Андрей жадно хлебнул весеннего воздуха, чуть отдававшего запахом сырой земли.

«Если я сделаю объективный материал – старуха сживет меня со свету... Если не сделаю – скушает главвред...»

В редакции Борода сразу сунул ему в руки конверт.

– Сынок, я того... занят. Сходишь? В понедельник мне там – слушали-постановили?... Ну, я на тебя полагаюсь...

В субботу, в начале одиннадцатого, еще лежа в постели, Андрей набрал номер Тамары.

– Сегодня у нас как?

– Я девушка, конечно, современная, но инициативы без большой надобности не проявляю.

– А я дико старомодный и инициативных девушек на дух не переношу. Давай сегодня рванем в ДК машиностроителей на юбилей. В редакцию два билета прислали, Борода мне их отдал – попросил взять информацию.

– О'кей. Где встретимся?

– У входа в шесть. Как раз – к концу речей и до начала фуршета. Не опаздывай.

Тамара пришла двадцать минут седьмого, что опозданием считаться не могло.

– Я тебе газетку принесла – считаешь мой материал. Мы сейчас куда?

– Я зайду, возьму программку, потом мы с тобой в общей массе празднующих подберемся поближе к хавке. А там – и до дискотеки рукой подать.

Из-за дверей зала, как с берега моря, доносились периодические накатывающие аплодисментов – торжественная часть подходила к концу.

Из распахнувшихся дверей разгоряченной массой вывалились гости, принесли в вестибюль влажно-душную атмосферу переполненного зала.

– На старт! – скомандовал Андрей. – В чем состоит неизбывная прелесть нашей профессии...

– ...так это в случающейся порой халяве.

Они от души пожевали, примостившись за столиком между толстыми тетками, на обширных бюстах которых побрякивали медали, и худенькими, тщательно бритыми ветеранами. В вестибюле, как эхо былых времен, застонал духовой оркестр.

– По-моему, надо двигаться на дискотеку, – шепнула Тамара.

Дискушный зал был почти пуст, они присели отдышаться. Андрей из вежливости развернул газету, которую дала ему Тамара.

– Где твой материал?

– А вот, на шестой странице: «Любовный клин вышибают... пургеном».

– Господи, это о чем?!

– Почитай.

– Темно здесь. Ты своими словами расскажи, конспективно.

– Это случилось в нашем педе. Двое студентов, первокурсники, так влюбились, так влюбились, что просто пух и перья летели, а пожениться или просто жить вместе возможности не было – иногородние. И денег негусто, чтобы жилье снять. Хвостов нахватили, об отчислении речь пошла или о переводе на коммерческое отделение, что им тоже было очень не в жилу. Родители мудрые керосином пожар тушить принялись – разлучать их. Ну, эти двое решили соединиться на небесах. Друзья с химфака им посочувствовали – отравы достали, дали ключ от подсобки – там кушеточка какая-то стояла. Влюбленные купили бутылку шампусика, заперлись в комнатке, ключ выкинули в окно, тяпнули за любовь, отравой закусили и легли в обнимку – помирать. Оказалось, что вместо яда им химики лошадиную дозу фенолфталеина подсунули, у них революция в животах началась...

– А дверь заперта... ключа нет... О-хо-хо! – схватился Андрей за голову.

– Ага! Во ситуация! Представляешь?! – захохотала Тамара.

– И чем все закончилось?

– Да ничем. Сам понимаешь – какая любовь-морковь после того, как ты перед предметом нежной страсти чуть не обкакался? Они, говорят, теперь даже не смотрят друг на друга.

– Да... А ведь, в сущности, жаль, Том? Жаль любви. Второй раз такое может и не случиться.

– Не у всех и в первый раз случается.

Разговор приобрел многозначительный характер, забуксовал, и Андрей скуки ради, почти машинально, пролистал газетенку. Его внимание привлекла большая статья: «Косметика с солнцепека». Машинально глянул на подпись – Анна Коваленко.

– А что, твоя подружка – вернулась в газету?

– Какая? – равнодушно спросила Тамара.

– Анна Коваленко. Ее ведь статья?

– Ее. Только она мне не подружка. В редакцию она заходила пару недель назад, материал с дискеты скинула и исчезла. Где она, я не интересовалась.

Говорить больше было не о чем, да и музыку уже включили на полную громкость. Проплясали почти до двенадцати, Андрей проводил Тамару домой, выполнил ритуал братского поцелуя и отправился к себе.

Спать хотелось ужасно, но он все-таки разлепил веки и прочел творение Анны Коваленко. Статья о целебных свойствах весенних первоцветов в сущность автора ясности не внесла.

В понедельник утром Андрей потащился в местный Белый дом, к чиновнику-заказчику. На дворе хмурилось, пошел мокрый снег, настроение было не очень. Чиновник материал одобрил, вежливо спросил, не должен ли чего Андрею.

– Я в штате, у меня фиксированный оклад, – спесиво процедил Андрей.

Вернувшись до обеда, успел доправить статью, а потом, сам не зная почему, пересел от компьютера к окну, источавшему гнусно-синеватый свет, стал перелистывать подшивку «Крестьянской газеты».

– Ищешь что-нибудь? – спросила Валя. – Я подскажу, если надо.

– Спасибо, я просто проверяю кое-какие закономерности.

На самом деле Андрей искал статьи Анны К. Хотелось понять, чем интересовалась эта девушка, какие темы предпочитала, насколько литературно писала. Что-то в статье о директоре госплемхоза, разводившего лошадей, кольнуло Андрею глаз. Он только что видел эту приметную, необычную фамилию – Саперный, даже придумал пародийную на нее – Саперный-Лопаткин.

Андрей пролистал подшивку, нашел этого Саперного уже в траурной рамочке – «на сорок третьем году жизни скоропостижно скончался».

У Андрея вдруг засосало под ложечкой – как каждый раз, когда он натыкался на необычную тему... Что-то тут есть, не иначе.

Он встал, запасся бумагой и ручкой, снова вернулся к подшивке.

Еще раз пролистал годовую подшивку, выписал имена всех респондентов этого весьма активного журналиста, Анны Коваленко. За восемь месяцев работы в газете она сделала двадцать семь материалов, но помечал Андрей только интервью. Их было двадцать – видимо, Анна К. любила общаться с людьми. Потом, листая подшивку в обратном направлении, стал с неприязнью – он жутко, до ломоты в затылке, не любил всего связанного со смертью – просматривать некрологи, сверяясь со списком.

К концу гробокопательской работы печальные крестики стояли рядом с тринадцатью из двадцати фамилий.

«Все они люди заслуженные и, многовероятно, не молодые, но не окончательные же развалины? – с недоумением подумал он. – Работают, ездят, интервью дают... И если предположить, что не на всех есть некрологи, покойников может быть и больше... Постой, постой!..»

Он проглядел «список Шиндлера» еще раз, пересчитал, сколько в нем женщин. Оказалось – пять, и все были живы или, по крайней мере, не значились среди умерших. Если отбросить дам, из пятнадцати мужчин, давших интервью Анне К., в настоящее время живы – условно! – были только двое.

– Андрюш? – ласково попросила Валя. – Послушаешь телефон – я отойду?

Валя схватила зонтик, цветастым грибом торчавший посередине комнаты, и убежала.

Звонить Тамаре и снова узнавать об Анне К. Андрею не хотелось.

Он принялся, размышляя, ходить по комнате и тут заметил, что Валя не выключила компьютер.

У Вали на жестком диске должны были находиться файлы всех сотрудников газеты – если только она не стирала информацию на уволившихся. Андрей быстро нашел то, что искал, – все они были здесь, действующие штатники в одной папке, внештатники – в другой, уволенные – в третьей. Вот и Коваленко Анна Аркадьевна.

«Надо же – почти Каренина, – мельком отметил он, размышляя, как бы это можно было обыграть в статье. – А я что – про это писать буду? – удивился сам себе. И сам себе ответил: – А зачем я вообще кручусь, если не собираюсь делать материал?»

Послал на принтер файлы Анны и Тамары – мало ли, придется что-то сравнить и проверить. Главное из того, что ему было надо, в файле имелось – дата рождения, домашний адрес, место предпоследней работы – городская средняя школа номер 5. Была даже краткая автобиография – родители, увлечения, победы на соревнованиях по бегу, список статей, опубликованных в молодежных изданиях.

В непривычно тихом коридоре слышались шаги. Андрей поспешно отскочил от компьютера. Явился главный – в мокром клеенчатом плаще, заляпанном ошметками желтой глины.

– Привет, богатырь! А Валя где?

– Ребенка кормит. Сейчас придет.

– Как у тебя дела?

– Заказуху доделал. Вертикаль власти звенела от восторга.

– Здорово сказал, а? – весело отреагировал Борода, скидывая плащ. – Ну, я пришел, в принципе, если у тебя дела на выезде, можешь быть свободен.

Тут главный хлопнул себя по лбу.

– Ох, сынок! Есть скучная, но нужная работа. Извини, склероз!

...Ехать пришлось на трамвае, но сейчас Андрея это не раздражало. Он смотрел в окно с бегущими по стеклу струйками. Погода сильно смахивала на октябрьскую. Андрей со злорадством подумал, что сейчас март, скоро весеннее равноденствие. А через три месяца – солнцестояние, Иван Купала, русалии, прыжки через костры и все такое... Водяных и русалок здесь, говорят, водится немерено.

Представил себе, что крошечные девочки с серебристыми хвостами, словно головастики, быются у него в горсти, пытаясь улизнуть сквозь пальцы, хихикают тоненькими голосками, и стал улыбаться. Переливчатое хихиканье вдруг обернулось реальностью – поодаль, поглядывая на него, пересмеивались девочки, по виду старшеклассницы. Андрей спрятал нос в высокий воротник куртки, но потом увидел, что они с девчонками почти одни в вагоне, решил воспользоваться моментом.

– А что, девчонки, где у вас школа номер пять?

– В старом городе.

– Я знаю, что в старом. Вы конкретнее.

– По дороге к пристани – знаете?

– Пристань знаю.

– Не доходя – здание трехэтажное. Там пятая школа. А вам зачем?

– Хочу вернуться на школьную скамью.

– Не выйдет, – прыснула самая бойкая из девчонок.

– Это почему же?

– Скамья сломается!

Под хихиканье, сладострастно ухмыляясь, Андрей вышел из вагона.

«Если размышлять непредвзято – насколько эти совпадения можно считать случайными? – размышлял он, шагая по вытаивавшей из-под грязного снега старинной брусчатке. – Какой процент не переживших встречу с Анной К. случаен, а какой – закономерен? Почему только мужчины? Похоже, все эти несчастные умерли примерно через одинаковый промежуток времени после интервью. Будто она их каким-то ядом травила, долгоиграющим... Чушь какая-то... Может, и главвреду на вшивость проверить – живы его собеседники?»

Андрей отвлекся от компьютера, только когда охранник потребовал освободить помещение. Вывел материал на печать, чтоб завтра сразу отдать Бороде.

Снаружи вышедшее из-за облаков солнце пустило по улицам длинные, как пальцы пианиста, тени. Надо было что-то купить поесть на вечер и на завтрашнее утро.

Отстоял очередишку в три человека у палатки возле дома, полез в карман куртки, пошарил там, но не обнаружил ничего, кроме измочаленных билетов на электричку... Господи, да ведь, кроме бумажника, в кармане были ключи от квартиры и редакции!

Почувствовал, как неудержимо отваливается челюсть и кровь от лица отливает, словно морская вода от берега перед цунами, в отчаянии оглянулся, словно надеясь увидеть спину вора и броситься вдогонку. Вместо этого наткнулся взглядом на смеющиеся синие глаза под русым чубом.

– Павлючок, – произнес Андрей охрипшим голосом. – Ну ты не гад после этого?

Парнишка, довольно ухмыляясь, повертел его бумажником.

– Не-а, – откликнулся весело. – Это я вас к аккуратности приучаю.

– Молодой человек, оплачивать будете? – недовольно спросила продавщица, стараясь выглянуть из окошка палатки.

– Дай сюда, – протянул руку Андрей; воришка послушно вернул бумажник.

Заплатил, получил пакет с едой, повернулся к мальчишке:

– Ключи отдай, ты, супер.

Павлючок отдал обе связки.

– Выпустили тебя, значит?

– Ну...

«Сбежал, гаденыш», – догадался Андрей.

– Пойдем ко мне, поболтаем. Я тебе статью покажу, которую про тебя написал. На, неси пакет.

– Почему я?

– Чтоб руки заняты были.

Павлючок прыснул. У него вообще смех был на поверхности, Андрей еще тогда, в приемнике-распределителе понял, что этот отпетый ворюга симпатичен ему своей детской открытостью.

– А вы тоже хитрый, – заметил тот, шагая рядом с Андреем.

Дома вместе, по-холостяцки, соорудили чайку, накромяли бутербродов, причем орудовал Павлючок ножиком не в пример ловчей Андрея.

– Где выучился? – ревниво спросил Андрей.

– Нигде. Ловкость рук от природы дадена.

Пожевали, сидя на кухне, потом перешли в комнату, и Павлючок погрузился в чтение статьи. Андрей заметил, что парень шевелит губами и морщит лоб.

«К интеллектуальному труду не привычен... А жаль».

– Ну, что я вам могу сказать, – важно произнес Павлючок, сворачивая газету, – в общем-то правильно все вы тут описали...

(Павлючок вызвал из ЖЭУ слесаря, который в ответ на слезливый рассказ о потерянных ключах вскрыл замок чужой квартиры. Парень не торопясь собрал все ценное, но... Нагруженный сверх меры чужим добром, привлек внимание бабуть у соседнего подъезда и был повязан с поличным подоспевшими милиционерами.)

– И это тоже хорошо написали – если направить мои таланты в нужное русло... А что – все эти...

Он опять наморщил низковатый, широкий, с двумя заметными выпуклостями лоб.

– Они тоже в малолетках по карманам тырили?

– Водился за ними этот грех.

– И авторитетными людьми стали?

– Авторитетней некуда... О тебе родители беспокоиться не станут? Поздно.

– Не, отца у меня нет, а мать знает, что я самостоятельный.

– Ты где живешь?

– Как спускаться от остановки конечной – дома частные.

Проболтали еще час, потом Павлючок сам засобирался на выход.

– Ты заходи, когда захочешь, – сказал на прощание Андрей.

Посмотрев новости, вытащил сводную ведомость журналистских подвигов Анны К., фло-мастерами стал раскрашивать одним цветом сходные данные. Мартиролог превратился в веселенький витражик – как для детсадика. Факты были налицо – для мужчин-респондентов общение с Анной К. даром не проходило.

«А что, если глянуть на это с точки зрения профессии?» – вдруг осенило его.

Андрей взял еще один фломастер и сделал представителям творческой интеллигенции ярко-розовые рамочки. Среди переживших интервью мужчин были только представители богемы. Вывод напрашивался однозначный – Анна К. за полгода сжила со свету практически всех представителей бизнеса и политики, которым не повезло дать ей интервью. Хотя...

Утром, найдя на полу криминальный витраж, вдруг решил: «А чего я мучаюсь? Надо посоветоваться с медиками, запросить статистику...»

В редакции, пользуясь тем, что в четверг все приходили попозже или не приходили вовсе, решил залезть в Интернет. Тут явился выпавшийся и бодрый главный, глянул на дисплей из-за плеча Андрея.

– Ну как материал про коммунальщиков – вытанцовывается?

– Да я еще вчера сделал.

– Ну ты гигант!

– Задания есть? – спросил Андрей, отдавая распечатку. – У вас имеется кто-нибудь в местной поликлинике?

– А что? Заболел?!

– Нет, хочу некоторые наблюдения проверить – относительно состояния здоровья местного населения.

– А, так даже... Записывай.

Борода дал ему телефон заведующего общей терапией в районной поликлинике, и Андрей, не откладывая, напросился на интервью. Тот обещал принять после трех дня.

Андрей подкорректировал и отпечатал свою табличку – не пойдешь же на задание с раскрашенным фломастером «витражом» – и отправился обедать.

Приятелем Бороды оказался грузноватый человек примерно того же возраста. Андрей попытался завести разговор о закономерностях хворей местных жителей, и тут хирург выдал ему замечательную, непроницаемо-черного юмора байку.

– Как-то у нас в пятницу утром, часов в девять, скончался в реанимации послеоперационный больной – случается, хотя никаких осложнений вроде не было. Ровно через неделю в этом же боксе умер еще один пациент, тоже довольно благополучный. Удивились, огорчились, но что делать. Еще через неделю точно в девять часов пятницы скончался третий, тоже с положительным прогнозом – представляешь?

– Черная пятница... И что?

– Мы назначили внутреннее расследование. Все проверили – вентиляцию, сделали посев на наличие микроорганизмов, грибков, ничего не нашли – все в норме. Выздоровливай не хочу. Тогда при боксе установили сестринский пост. Так все и выяснилось. Импортная техника подвела. Спонсоры подарили специальный пылесос-дезинфектор – всю неделю по старинке, палкой-ленивкой из ведра убираются, а раз в неделю – им. До реанимации пылесос доходил аккуратно утром в пятницу. Провод у него короткий, так уборщица выдергивала из розетки систему жизнеобеспечения того самого бокса, втыкала пылесос и тщательно, не торопясь, мыла этот кусок... А?! Каково?!

– Да, нарочно, не придумашь.

– И пока она прибиралась, пациент успевал отдать Богу душу... Прибор-то из сети отключен, тревожная сигнализация на остановку сердца не работает... Вот и вся закономерность! Трех больных ни за понюх табаку потеряли!

– Что с уборщицей сделали?

– А что с ней сделаешь? Уволишь? А кто на ее место за полторы тысячи придет? Удлинитель купили, чтобы пылесос из коридорной розетки подключать, и все дела.

– А она что?

– Мы не сказали – зачем хорошего человека травмировать? Она ж не со зла.

– А что вы скажете о закономерностях гибели этих людей? – ринулся в атаку Андрей, показывая слегка отредактированный список «жертв».

Хирург размышлял над ним довольно долго.

– Ну, что я могу сказать... Кое-кого я знал лично. Видимо, сердечно-сосудистые заболевания можно считать профессиональным заболеванием политиков и бизнесменов. Нервы, курево, малоподвижный образ жизни, банкеты с жирной пищей... Знаете, какая у журналистов слабина? Язва желудка – стресс плюс нерегулярное питание.

– Учту.

– Во-во... Кроме того, это же статистика за прошлую осень, да? Во-первых, неизбежные сезонные обострения, а потом, у нас же выборы были. Так что предвыборную кампанию можно считать дополнительным стрессогенным фактором. Но об этом лучше к районному психиатру – он вам такое рассказать сможет!..

На этом они закончили. Андрей решил пройти до редакции пешком и обдумать услышанное.

«Вот тебе и объяснение... А я-то! «Серия, серия»!.. Наемная киллерша! Хорошо, хоть ни с кем не поделился, а то бы обсмеяли к чертовой бабушке... Ну что ж, один материал накрылся, другой появился. Будет что в следующий номер дать».

Утром Андрея разбудило звяканье телефона. Было половина десятого утра, солнечно.

Первым побуждением Андрея было не отвечать – у него отгул, и точка. Он уехал в Москву. Мобильник был выключен, если это Тамара, можно было отвертеться и от похода в бар. Но телефон не умолкал. Андрей ответил нарочито невыспавшимся голосом:

– Алё?

– Андрюша, прости, что разбудил в твой заслуженный выходной...

Это был Борода.

– Я понимаю, что отпустил тебя на сегодня... Но ты не мог бы заскочить в редакцию через полчаса-час? Потом отгуляешь... Андрюш, пока Костика нет, набросай пару строк в «Уголок фенолога». Забыл я совсем. У нас прошлогодные фотографии есть – разлив Москвы-реки. Так, тысячу знаков.

– Тогда я пошел на объект.

Андрей двинулся пешком, через старую часть города, мимо крепостных ворот красного кирпича, к окраине, где сохранились одно- и двухэтажные домики со встроенными поставцами для икон-берегинь над входом.

Река, так и не замерзшая в этом году, выглядела вспухшей, даже какой-то выпуклой, выплеснулась на пологий берег, залив вход на понтонный мост и дорогу, ведущую к нему. Андрей показал краснокожую книжицу, поговорил со сторожем у неработающего моста. Пара теплых дней, поведал скучающий мужичонка, и переправиться в деревню, которая стоит в крутой петле реки, можно будет только на катере. Полюбовался на мощно несущиеся воды обычно спокойной Москвы-реки, повернул назад. Надо доделать свой медицинский опус и побыстрому набросать «Заметки хренолога». Отгул отменился сам собой.

По дороге его едва не смела с ног стайка очумело галдящих школьников лет по двенадцать. Поднял глаза на вывеску – «Школа № 5».

«Что-то я о ней слышал?»

В грязноватом окошке первого этажа виднелось написанное от руки объявление: «Медпункт работает до 14.30».

Андрей зашел в темноватый вестибюль школы. Медпункт должен был находиться налево от входа. Стукнул в дверь, просунул голову в щелку:

– Можно?

На него удивленно глянула женщина средних лет в белом халате:

– Вы кто? Родитель?

– Пока нет, – улыбнулся своей фирменной улыбкой. – Я корреспондент «Крестьянской газеты». Делаю материал о состоянии здоровья жителей города. Полчасочка сможете уделить?

Андрей поставил перед ней диктофон, нажал на кнопку.

– Рассказывайте – чем наши детки болеют и как с этим бороться.

– А это обязательно? – Она опасливо ткнула пальцем в черную коробочку.

– Для объективности и точности – да. Вдруг что-то упущу.

Медичка подобралась, поерзала на стуле, откашлялась – как для выступления перед публикой.

Рассказала она ему вещи довольно предсказуемые. Поколение росло слабоватое на утробу и на голову, только животом больше маялись девочки, а головой – будущие воины.

– Вот вы говорите, вас необычные случаи интересуют.

– Какого же журналиста они не интересуют?

Она задумалась.

– У нас года два назад был случай... Не знаю, стоит ли рассказывать. Такая непонятная история... Мы с одной молодой учительницей вынуждены были расстаться, по настоянию родителей. Я вам расскажу, только вы не записывайте, ладно? А то вдруг...

– Что?

– За клевету потянут. Это не для печати.

– Как хотите. Ваше право.

Андрей демонстративно нажал на кнопку остановки – она все равно не срабатывала с одного раза – и отставил диктофон в сторону.

Медичка, расслабившись, стала говорить, понизив голос.

– Три года назад, ну, учебные годы имею в виду, к нам пришли из нашего же педа новые учителя, выпускники. Педагогов у нас с собственным институтом хватает, так что это были самые лучшие. Работали хорошо, но только родители стали замечать, что у нас заболеваемость в школе поднялась. Да и я заметила – цифры по обращениям, пропущенным по болезни дням все поползли вверх. Стали проверять с завучем – глазам своим не поверили. Вся статистика говорила о том, что дети заболевают после уроков одной и той же учительницы.

– Что – слишком строгая? – стараясь не показать волнения, уточнил Андрей.

– Нет, претензий к ней не было, детей любит, доброжелательная. Потом проверили на обострения хронических заболеваний. И та же картина – как Анна Аркадьевна...

– Как? – стараясь не выдать себя, уточнил Андрей.

– Анна Аркадьевна... Вот как она ребенка к доске вызовет, на следующий день он в школу не приходит. И что характерно, от отметок это никак не зависело – что пятерка, что тройка. Она внешне очень милая девушка была, прямо Снегурочка, двоек вообще не ставила... А когда одному мальчику эпилепсию диагностировали, его мамаша чуть ли не с кулаками на эту Анну Аркадьевну набросилась: «Из-за вас ребенок инвалидом стал!..» Несправедливо, конечно, но и мать понять можно.

– И чем это закончилось?

– В конце третьей четверти она перешла в другую школу, далеко, за городом, в Запрудах, но и там только до конца учебного года доработала. – Медичка сокрушенно покивала головой. – Там вообще ЧП случилось. После итогового сочинения за четверть у нее весь класс заболел редкой, тяжелой формой скарлатины... Четверо детей попали в реанимацию, но обошлось без летальных исходов.

Чуть помолчали.

– Правда, в то время был всплеск заболеваемости по скарлатине, но чтобы класс, целиком, одновременно... Школу закрыли на дезинфекцию, и учителям, и детям сделали повторные прививки, но это уже, считай, после драки кулаками махали.

– А что эта Анна Аркадьевна?

– В школу она так и не вернулась. Да и не взяли бы, наверное. Объяснения этому нет, формальной вины нет, она и сама сильно переживала, но от фактов не отмахнешься.

– А как ее фамилия?

– Мм... Постойте, да она за нашего сотрудника замуж вышла, за учителя физкультуры. Фамилию свою сменила на Коваленко... Да, Коваленко.

Андрей удивился бы, услышав что-то другое.

– Она одно время в газетах разных работала – вы ее разве не знаете?

– Публикации читал, а ее саму никогда не видел, – честно признался Андрей.

– Вы об этом писать будете?

– Об Анне Коваленко? Пока не вижу смысла. Вы же сами говорите, что объяснения этому нет. А за профессиональную консультацию спасибо. Об этом напишу. Это важно.

Андрей убрал со стола диктофон и, уже положив его во внутренний карман, нажал на «стоп».

«Нас не объегоришь, нам не подкузьмишь!» – весело и чуть злорадно повторял про себя, вышагивая по камням старинной мостовой вверх, к центру города.

Все-таки он оказался прав – эта Анна К. изводила людей. Дядя-врач не прав. Прав он, Андрей.

Дома Андрей еще раз послушал ту часть беседы, которая касалась Анны К. Система в действиях этой девицы явно прослеживалась – люди, вступавшие с ней в диалог, заболевали, а то и умирали.

«Не девица, а СПИД в юбке».

Зачем она появилась в городе около месяца назад? Неужели для того, чтобы тиснуть статейку в дамский еженедельник?

Андрей порылся в куче старых газет и нашел номер «Мимозы», который дала ему Тамара.

Обычные советы по «зеленой косметике» – настой для умывания из побегов мать-и-мачехи, салат из одуванчиков... Первый номер за март. Надо узнать, когда там дают гонорары, и попробовать отловить эту новоявленную Лукрецию Борджиа, не отходя от кассы.

В той же куче бумаг Андрей нашел распечатку файла Анны К. В гороскопы он не верил, но отметил про себя, что Анна К. – по зодиаку Рыбы, водная стихия.

Зазвонил телефон.

«Отвечу, даже если это Томка, – подумал утомившийся Андрей. – Надо отвлечься».

Это действительно была она.

– Чего не звонишь-то?

– Да только отдупилился. Борода задание спросил предыдущее, а сейчас сижу и обдумываю материал для рубрики «Заметки хренолога».

– Кого?!

– Фенолога. Не моя тема – цветочки... Слушай, а ты не в курсе, как местная жительница, у вас в районе ядовитые растения произрастают?

– Ну, я-то городская... А ядовитые да, есть. Ой, ты мне напомнил, в прошлом году случай был, над одной бабой-дачницей весь город ржал!

«Да, у вас если ржут, так всем городом».

– В округе расплодился борщевик – не знаешь?

– Нет, не представляю. Я тоже дитя асфальта.

– Ну, я тебе летом покажу. Он на укроп похож, только под два метра высотой и корзинки у него по полметра, тогда они на всех углах повылезали чуть ли не в городе...

– Напоминает «День триффидов» – читала?

– Во-во, точно! Так этот борщевик – жуткое растение. Одна тетка по дороге на дачу вошла по надобности в кусты у дороги, да еще листочком этого борщевика, как туалетной бумагой, воспользовалась! Через три часа ее муж в ближайший травмопункт привез почти без сознания от боли. Они чуть ли не в милицию на него заявлять бросились – что, мол, с женой сделал, подлюка!

– А... что с ней было?

– Волдыри по кулаку в интимном месте и на бедрах.

– Хорошо, что предупредила. Я теперь в ваши заросли ни ногой.

– И ничем другим! После этого случая беседу по местному радио провели, а заросли борщевика скосили.

– М-да, а все говорят – неяркая русская природа.

– А на проверку – джунгли.

Они помолчали.

– Ну, и что у нас на ближайший уик-энд? – спросила Тамара.

– Как и планировали, – скучным голосом возвестил Андрей. – Завтра-послезавтра номер сдадим, и я твой.

– Ой, много обещаешь!

– Ничуть. Созвонимся?

Андрей положил трубку.

«Если эта Анна – сумасшедшая маньячка с деструктивным комплексом, да еще занимается травами, найти яд даже в черте города для нее не проблема. А моя проблема – найти ее, выяснить, зачем и как она это делает. И остановить».

Утром во вторник его на пороге кабинета поджидал Борода.

– Андрюша, сынок, ты зарисовочку сделал? Сейчас Витя придет, верстать надо...

– Не сделал, но обдумал, – лихо соврал Андрей, садясь за компьютер.

«Пара тысяч знаков не проблема – сейчас спаяю».

Валя дала потрепанный календарь «Солнцеворот» с народными приметами, и через сорок минут Андрей осчастливил главного прогнозом теплой весны, «зеленой Пасхи» и урожайного лета.

– Хорошо ты мне про Пасху напомнил, – пробормотал Борода, читая его откровения прямо с экрана компьютера. – У меня к тебе задание будет – на перспективу, а?

– Я в религиозных вопросах не силен, – честно признался Андрей.

– Вот и пополнишь багаж знаний. Про Голубинский монастырь слышал? Вот бы туда тебе съездить. Ну, потом поговорим...

Поблизости действительно располагался монастырь XVI века, в кельях которого, как в коммуналке, десятилетиями жили советские граждане. Сейчас там был женский монастырь, работала иконописная мастерская, принимали в послушницы бывших наркоманок, подкармливали бомжей.

«Да, интересно... В женский монастырь – это то, что мне нужно!»

Эта мысль слегка развеселила Андрея.

– Валь, – обратился он к усиленно что-то набивавшей на компьютере девушке, – а улица Зеленая – это где?

– Это на шестом трамвае до остановки «Зеленая». А тебе что?

– Да человек один интересный проживает. Хочу наведаться на предмет интервью.

«А если сейчас я найду этот дом, квартиру, передо мной явится пресловутая Анна К. и я, как те деятели, через пару недель отдам концы?» – подумал он, подходя к остановке трамвая.

Такой ход событий Андрея совсем не устраивал, хотя трусости за ним не числилось. Жаль, номера телефона в карточке Анны К. не было.

«Стоит ли идти будним днем, когда все дееспособные люди на работе? Поеду вечером», – решил он и вдруг понял, что слегка побаивается встречи с Анной К.

Он пошел домой, позвонил в «Мимозу».

– Девушка, подскажите, когда мартовские гонорары платить будут?

– С двадцать пятого по двадцать девятое апреля. А как ваша фамилия?

– Спасибо, – невежливо буркнул Андрей и положил трубку.

Одеться Андрей решил попроще – если придется, за неимением четкого плана, выезжать на личном обаянии.

В трамвае было немногочисленно – люди рано расходились по домам. Район представлял собой смесь из кирпичных многоэтажек и панельных домов тридцатилетней давности.

«От газеты представляться не буду. Если она убирала этих мужиков по чьему-то заказу, может понять, что ее расшифровали».

Андрей был почти уверен, что самой Анны К. дома нет и придется ужом виться перед ее родными, чтобы хоть что-то узнать.

«Представляюсь одноклассником – мы же почти ровесники... Скажу – вернулся в город, решил разыскать. Должно сработать».

Дверь ему открыли только после того, как он ответил женскому голосу:

– Мне бы Аню...

В неширокую щель выглянула женщина лет пятидесяти. Видимо, только пришла, была еще в костюме.

«Тоже учительница или служащая», – прикинул Андрей.

– Добрый вечер, – слегка поклонился он. – Извините, имя-отчество ваше напомним? Я одноклассник Ани.

– Галина Алексеевна... Ани нет.

Она приоткрыла дверь пошире – хороший признак.

– Да?... А я вот недавно вернулся в город, навещаю школьных друзей. Где мне ее найти?

– У нее такая работа – она все время в разъездах.

«Девушка-киллер по вызову?»

– А телефон или адрес нельзя получить?

– Нет... Но она иногда заезжает. Вы мне ваш телефон оставьте. Я ей передам.

«Так, если она бывает в городе, живет дома. Далеко от берлоги не уходит».

Андрей написал свое имя и домашний телефон на блокнотном листке и протянул женщине:

– Это домашний. Я там пока один.

– Хорошо, передам.

– Большей привет Ане, когда она появится. Листок не потеряйте!

Он улыбнулся обычной фирменной улыбкой – как говаривал его младший брат: «До естественных ограничителей, именуемых ушами». Это подействовало – женщина чуть улыбнулась в ответ.

Вечером Андрей еще раз послушал сделанную в школе аудиозапись.

Вдруг припомнил, что место рождения у Анны К. не город, а какой-то поселок или деревня. Он опять взял файл – да, поселок Озерки. И фамилия у нее девичья... Озерных, да. Совпадение?

Утром в среду Борода похвалил его не за большой медицинский материал, а за маленькую «хренологию».

– Может, ты себе этот раздел возьмешь, а? У тебя здорово вышло – двумя фразами всю атмосферу передал. Мастер!..

Андрей не возражал, а когда Валя уехала в типографию, заглянув в кабинет к главному, спросил как бы в продолжение темы:

– Михал Юрич, а Озерки – это далеко?

– Да нет, минут двадцать от автобусной станции. А чего ты хотел?

– Интересуюсь местной географией.

– Эт-то ты правильно интересуешься. Это место хи-и-итрое, – загадочно улыбнулся главред. – Говорят, в тех озерах водяной конь когда-то водился.

– Водяной конь? – удивился Андрей.

– Ну, ты сядь... Не собираешься никуда? Я тебе расскажу... Там, сколько я знаю, все время что-то происходило, редко, но все равно – то ребенок пропадет, то грибника растерзанным найдут, то бабу беременную кто-то напугает до полусмерти так, что она прямо под кустом родит... А жители иногда мужика голого у водоемов видели, страшного, заросшего и мокрого – как только из речки. А когда в Голубинском монастыре начали реставрацию, под побелкой роспись старую нашли, XVI века. Там очень редкое, говорят, для России вообще уникальное изображение имелось. Святой Сильвестр, Селивестр по-русски, расправляющийся с водяным чудищем. Когда начали в местных летописях искать, обнаружили объяснение, почему этому святому свечки ставили – чтобы напасть эту отвел. Конь этот будто бы кровавых расправ уже не учинял, только рыбакам сети иногда рвал да рыбу распугивал.

– Поутих, значит, конек-горбунок?

– На коня-то он мало похож – просто название такое. А только вот в тридцатых годах, когда церкви позакрывали и молиться святым перестали, эти безобразия опять начались. Людей находили пополам перегрызенными и все такое – страх, словом. НКВД лес прочесало, бандитов искали – так и на них напал кто-то непонятный. Не веришь? И я не верил. А лет двадцать назад была серия нападений на женщин – вот где жуть-то! Народ напугали, так и смотрели за всеми молодыми мужиками. Чуть на лице царапина – сразу за телефон, и того – в милицию! Доказывай, что бритвой порезался, а не жертва ногтями оцарапала.

– Нашли его?

– Нашли, и довольно быстро. Неудачливым убийцей оказался. Но трех женщин точно загубил, а на четвертый раз попался – прохожие спугнули. Когда убежал, споткнулся, упал, и его мужики чуть не убили. Рад был, когда милиция его забрала. Заметь – все преступления около водоемов совершались. Документальный факт.

– И чего?

– Того!.. Душегуб пытался под психа косить, потерю памяти симулировал, все бубнил что-то. Я сам на процессе был, простым репортером. Расписали подлеца вчистую, без обжалования. «Присутствующие встретили приговор аплодисментами».

– Расстреляли?

– Ага. В течение месяца.

– И что – прекратились нападения?

– Да. Была, правда, попытка имитации, единичная, но тоже неудачная. Дали этому подонку лет, по-моему, восемь... Но больше серий не было и безобразий крупных тоже. У нас местность, если не считать этих Озерков, мирная, благословенная, даже патриаршее подворье когда-то было. Ты ж мне обещал на Пасху материал сделать! – спохватился Борода. – Я тебе

сейчас телефон дам. Позвонишь матушке настоятельнице и поедешь, когда будешь внутренне готов к посещению женского монастыря.

– К этому я готов всегда! – невольно рассмеялся Андрей.

Оставшись один, Андрей вошел в Интернет и забил в поиск «маньяков» и «серийных убийц» – что там про них серьезные люди пишут? Как вообще все это свести воедино – водяных коней, бывших учительниц и повальную скарлатину?

С материалами по серийным леди-киллершам в сети было трудно – больше про мужиков. Потом нашлось и о женщинах, чуть-чуть.

Появился Борода, положил ему на стол бумажку с номером.

– Ты прямо сейчас матушке позвони – она на месте. Я в принципе договорился, она тебя примет, но ты уточни. Да, про Озерки я тебе недосказал. Там и парни молодые пропадали встарь...

Кто попроще – так тому хоть на рыбалку не ходи. Удочки да снасти на берегу, а парня след простыл.

– И куда ж они все пропадали? Тонули?

– Да нет, никого потом не вылавливали. Сказывают, русалки себе самых красивых выбирали и сманивали. Так что ты учти, богатырь.

– Я не в их вкусе.

– Почему ты знаешь?!

Они еще немного посмеялись, и Андрей взялся за телефон.

На другом конце работал автоответчик, но вместо регтайма или навязчиво-гнусавого «Ждите ответа» повторялось: «Благослови вас Господь», – а потом включились песнопения.

Дозвонился Андрей минут через двадцать. Матушка игуменья назначила встречу на завтра, в час дня, после общемонастырской трапезы.

Борода отдал ему ключи от машины и отпустил восвояси.

«А может, Тамарку с собой взять? Все-таки женский монастырь – она туда пройти сможет, куда меня не пустят».

– Том, привет... Я ведь тебе что-то должен, а? В профессиональном плане? Завтра днем будешь свободна?

– Захочу – буду.

– Захоти со мной завтра в Голубинский монастырь поехать. – Нам туда к часу дня, так что в двенадцать надо встретиться. Ты учти – никаких джинсов с декольте на пузе. Где тебя подбирать?

Погода не подвела – солнце светило, как и все последние дни. Снега в городе не было.

Тамара оказалась на высоте – в широкой темной юбке ниже колен, скромном свитерке под черной курткой, с платком на шее – чтобы потом покрыть голову. Андрей покосился на нее и раз, и два – не узнавал.

– Ну, ты без пяти минут монашка.

– Пусть эти минуты никогда не пройдут.

– Борода рассказывал, что в вашей местности русалки водятся и молодых мужиков в воду утягивают.

– Да, это у нас случается. Учти – весной эта нечисть особенно сильно балует.

– Ну, а у людей что – по-другому?

Пригород с частными домиками закончился, и Андрей вырулил на Рязанское шоссе. Монастырь показался свекольно-красной полоской по верху невысокого, длинного холма.

– Умели же строить предки, а? Как на компьютере вписали в пейзаж.

Стены, по мере приближения, вырастали, приобретали объем, на них обозначались угловатые башни и «ласточкины хвостики».

– Ты там была?

– Была. Когда только-только народ выселили, нас на экскурсию возили, классе в девятом. Там стены в некоторых местах три метра шириной.

К храму, точнее, к монастырю вела асфальтированная дорога. Вход преграждали серьезные механические ворота с шестиконечными крестами на каждой створке. Все было по-современному – не выходя из машины, Андрей нажал на кнопку, мужской голос ответил:

– Слушаю вас, добрый день.

– К матушке игуменье из «Крестьянской газеты».

Молчаливые, широкие, как платяные шкафы, мужики в форме провели их через металлоискатель, доставили к одному из зданий внутри ограды. Поодаль стояли беленая церковь, какие-то постройки, каменные и деревянные.

Их подвели к узкой двери с навесом. Тамара накинула платок, умело перекрестилась. Внутри помещение оказалось тесным – строилось по стандартам XV века, Андрею все время приходилось кланяться. На стенах висели небольшие иконки без окладов.

Если бы не арочные оконца с ажурными решетками и образами на стенах, офис игуменьи был бы похож на любой другой. Странновато смотрелись и девушки за компьютерами – в белых платках, в ситцевых кофтах.

Сама матушка оказалась типичной монашенкой – вся в черном, с массивным крестом на груди, круглолицая, свежая на вид, отнюдь не худая. Она приветливо поздоровалась, цепко пробежалась глазами по лицу Андрея, мгновенно оценила Тамару.

– А я решила, что вы будете один. И что вы хотите узнать от меня, товарищи журналисты? Андрей нажал на кнопку диктофона.

– Вначале общие сведения, а потом, может быть, вы нам расскажете о текущей деятельности.

– Наш монастырь основан еще при Иване Грозном, как место ссылки монахов – которых подозревали в оппозиции церковной реформе, – привычно начала игуменья. – Тогда это был мужской монастырь. Сейчас у нас девятнадцать монахинь, двадцать пять послушниц и несколько трудников, включая мальчиков до четырнадцати лет.

– Трудников? – изумился незнакомому слову Андрей. – Уточните, пожалуйста, что это такое.

– Это те люди, которые пока не готовы принять послушание, но хотят находиться в монастыре. Они здесь живут и работают. Мы, можно сказать, не только культовое, но и благотворительное учреждение. К нам может прийти любая женщина, девушка, девочка и, как я сказала, мальчики до четырнадцати лет.

– И кто идет?

– Люди, ищущие Бога, страждущие, потерявшие надежду, хворые... Легких больных мы лечим, тяжелых принимаем, но только на несколько часов – вызываем врача из горбольницы или скорую. Хотя... Некоторые просят оставить их здесь под собственную ответственность – для исцеления.

– И выздоравливают?

– Часто. – Игуменья улыбнулась по-детски наивно и радостно. – Почти все уходят с улучшением. Ученые говорят – хороший естественный фон. Монастыри и храмы всегда по-умному ставили там, где была благоприятная аура. Я пятнадцать лет в Бауманском преподавала, точные науки...

– А как здесь оказались?

– На то была воля Божья.

– Кто и как может стать монашкой?

– Монахиней, молодой человек... В принципе почти любая женщина, если только она не надеется скрыться от правоохранительных органов, после пяти лет послушания. Прихо-

дится выполнять много тяжелой работы с шести утра до девяти вечера, много молиться. У нас послушницы в основном работают на огороде, обихаживают паломников, помогают реставраторам. Есть иконописная мастерская и златошвейный цех.

– А туда можно пройти? – заинтересовалась Тамара.

– Да, можно еще в церковь. В кельи к монахиням – нет. Ничего интересного – быт скудный, монашеский. Идемте.

Они вышли в узенький коридор, прошли застекленной галереей.

– Я вам распечатку дам – история, архитектура, устав. А сейчас пройдем в мастерские.

В большой и светлой горнице за столами работали девушки и женщины, все с забранными под платки волосами. На столах стояли баночки с гуашью, лежали тюбики с маслом и темперой. Рисовали на толстых досках, довольно неуважительно вертя их на столе.

– То, что у нас в коридорах висит, – лучшие ученические работы. Женщины в основном пишут небольшие, домовые иконы, храмовые мы заказываем в одной московской мастерской – там мужчины-иконописцы работают. Женщины миниатюры лучше пишут, аккуратнее, благоговейнее. Златошвейки – традиционно только женщины.

За следующей дверью сидели вышивальщицы. Сосредоточенно работая иголками, трудились над большой, в два одеяла, вещью.

– Простите – это настоящее золото? – тихо уточнила Тамара.

– Нет, нам это пока не по умению. Это пряденое золото – шелковая или льняная нить, обвитая позолоченной серебряной нитью.

Вышли из мастерской. Матушка повела через двор к храму. На пороге остановилась, перекрестилась три раза, поклонилась в пояс. То же сделала и Тамара. Андрей решил, что он здесь на работе, и просто склонил голову, ожидая конца церемонии.

Слушая рассказ о том, кто и что писал, как раскрывали и восстанавливали фрески, Андрей вспомнил о Селиверсте и водяном чудище.

– Мне Михал Юрич рассказывал о каком-то редком изображении.

– Да, это малоизвестный в православной традиции святой Селиверст. Он жил в IV веке в Германии и смог молитвой покорить водяного дракона.

На иконе, писанной прямо на столпе, в правом притворе, светился старик с белыми кудрями вокруг обширной лысины. Из коричнево-красных волн, завивавшихся к босым ногам святого, вылезало чудовище с собачьей головой и оскаленными зубами, явно намереваясь его съесть. Хвост у гада был чешуйчатый, лапы – когтистые.

«У, ты и мутант!» – вздрогнув, хмыкнул Андрей.

– Обычно на таких иконах бывает изображение Николая Чудотворца, а у нас вот Селиверст. Он, если можно так выразиться, покровитель всех, кто связан с водной стихией, избавитель от болезней непонятного происхождения и других редких напастей.

– Вроде того водяного коня, который здесь водился когда-то?

Настоятельница внимательно посмотрела на посетителя.

– Да, считается так. Люди молятся святому Селиверсту еще и за избавление от полтергейста, хотя это суеверие, порицаемое церковью.

Матушка вела их по территории, показала подсыхающие на солнцепеке ровные, ухоженные огородные гряды, сводила в приют, походивший на казарму двухъярусными кроватями.

– Паломников сейчас мало – на Пасху подойдут.

Андрей глянул на часы – было начало четвертого.

– У, как мы вас задержали, матушка! Просто удивляюсь, что время так быстро прошло.

– Благодать, молодой человек, место святое, намоленное. А сейчас давайте я вам материалы передам, да и мне к службе надо идти.

– Ты много для себя вынесла? – спросил Андрей Тамару, выезжая из монастырских ворот. – У меня впечатления сумбурные – не знаю, что писать буду.

Он вырулил на отрезок дороги, ведущий к шоссе.

– Разберешься... А я там такое видела, такое! – задорно закричала девушка, скидывая с головы платок. – Своим глазам не поверила!

Тут на дорогу перед ними, будто выскочив из-под земли, метнулась крохотная колченогая старушонка. Андрей ударил по тормозам.

Машина, взвизгнув, остановилась, и они с Тамарой чуть не высадили лбами ветровое стекло. Старушонка, испуганно оглядываясь и мелко крестясь, убежала за угол монастырской ограды.

– Не сбили, и хорошо, – примирительно проворковала Тамара.

До города доехали почти не разговаривая.

– Не поднимешься? – пригласила Тамара, когда Андрей остановился у подъезда ее дома. – Я тебя домашним обедом накормлю.

– Извини, киса, мне в редакцию надо – Бороде машину вернуть. В среду пленки в типографию везти. До пятницы!

Ужинал Андрей дома, как всегда, бутербродами, а когда стемнело, зажег лампу и решил не вставать, пока не разрешит все загадки.

Для создания общей картины Андрей бегло прочел обо всем, что касалось серийных убийц мужского пола. Ненужные, случайные дети, неудачники или хилячки, которых много обижали в детстве. Выросши, они мстили всем, кто был похож на обидчиков, – подросткам, девочкам, отвергнувшим женщинам.

«Правильно нам говорили в детстве – не обижайте маленьких. Из них вырастают серийные злодеи».

Андрей на скачанной из британского сайта страничке вычитал подробные описания дюжины закоренелых леди-киллерш.

«Не женское это дело, если за четыре столетия их только десяток набралось».

Тем интереснее становился феномен Анны К.

Объективности ради, Андрей опять нарисовал табличку и стал расписывать роковых женщин по параметрам. Часам к девяти вечера у него сложился портрет среднестатистической маньячки.

Ей было около тридцати трех лет, орудовала она долго – почти десять лет. Самыми охочими до душегубства оказались домохозяйки – почти треть, сестры милосердия, все белые женщины.

«Первым не хватало острых ощущений, вторые – сначала остро ненавидели своих беспокойных пациентов, а потом и всех остальных людей, поскольку те – тоже потенциальные больные», – решил Андрей и записал свое наблюдение в графу «Примечания».

Далеко за жертвами киллерши не ходили – больше орудовали по соседству, применяя яд, снотворное и толченное стекло.

«Ага, что-то вырисовывается!» – обрадовался Андрей.

Упоминалось, что злодейки были, как правило, привлекательны внешне. У публики и судей это вызывало симпатию, и поэтому, даже имея на совести приличный холмик трупов, киллерши редко заканчивали жизнь на эшафоте. В отличие от мужчин, которые буянили просто так, избывая глубинные комплексы, дамы действовали целенаправленно, блюдя экономический интерес.

«Кажется, я заработал поздний ужин», – решил Андрей и отправился на кухню.

Слушая, как закипает чайник, подумал, что сейчас, пожалуй, стоит выяснить причины, по которым женщина вступает на несвойственный ей путь душегубства.

«Нет, это не серия – это обыкновенная экономическая авантюра, – подумал он, читая про похождения некой Мэри Энн Коттон, ради получения наследства отравившей пятнадцать детей и пять взрослых. – Одно и то же преступление, повторенное неоднократно и без фантазии. Это не случай Анны К.».

Шестерых мужчин отравила некая Эйлин Форест, которую когда-то за шалость побил ее родной дедушка. Тут же упоминалась знатная француженка, которая в XVIII веке собственноручно задушила тридцать пять деревенских девушек, потому что муж предпочитал ее изысканному обществу гульбу с крестьянками. Когда все раскрылось, даму всего-навсего сослали в провинциальный монастырь.

Были среди этих особ явно сдвинутые психически – слышали голоса, велевшие убивать направо и налево. Эти оканчивали свои дни в тюремной лечебнице, прикованные цепью. Часто женщины подпадали под влияние психопатов противоположного пола. Андрей вспомнил, что такое случалось в Англии совсем недавно. Жена помогала любимому мужу отлавливать и убивать девушек, лишь бы он не ушел к другой. У Андрея внутри забурило: похоже, он нашел разгадку.

«Что там Томка говорила – Анна К. терпела издевательства своего супруга, даже публичные? Значит, любила его, сильно... А если он такой дикий, с отклонениями, может, и заставлял ее экспериментировать над детишками? Вышедший в тираж спортсмен, завидующий мальчикам и девочкам, у которых все впереди...»

Андрей перевел дух и взглянул на свою табличку еще раз.

«Ну хорошо. В известную схему укладывается только один эпизод из послужного списка Анны К. – работа в школе бок о бок с ненормальным супругом. Но в новой-то школе история повторилась – значит, и ситуация в семье была та же. Получается, серийным убийцей выступает не она, а он?»

Андрей встал, подошел к окну. За стеклом светились редкие огоньки засыпавшего города.

«Не, пока не разложу все по полочкам, не успокоюсь».

Анне К. или надоели издевательства мужа, или совесть заела. Она от него ушла, даже пряталась, если Томка все верно передала... Тогда непонятно, почему Анна К. продолжила бурную деятельность после того, как муж отдал Богу многогрешную душу? Так любила, что забыть не могла? Что за история?!»

Андрей еще раз проглядел табличку. Самый редкий тип представляла собой дама, убивавшая ради удовольствия.

«Может, это месть всем мужчинам? Муж сделал ее злодейкой, и она мстит мужикам за пакости, которые он заставлял ее делать? Но если исходить из того, что среди жертв общения с Анной К. – люди политически влиятельные и материально состоятельные, остается предположить, что она решила применить приобретенный опыт в целях обогащения, брала заказы на ликвидацию. Очень удобно и разумно и соответствует самой популярной среди дам схеме, цель которой – материальный интерес».

Андрей потянулся, взглянул на часы. Расследование заняло около трех часов – было без двадцати двенадцать. Голова наполнилась свинцом и все больше тяготела к подушке.

Окончательного решения найдено не было, вывод был прежним – надо найти Анну К. или, по крайней мере, узнать, где она и чем занимается.

Проснулся он рано, не слишком отдохнувшим, но с новой идеей в пустовато-мутной голове.

Рассказ Бороды о нехорошем месте по имени Озерки, из которого происходили и загадочная Анна К., и чешуйчатый конь, – вот оно, недостающее звено!

Еще работая в Москве, Андрей делал материал о гиблых местах и лозоходстве. Это было то, что нужно! Пригласить тех ребят с рамками и приборами – пусть пошарят по Озеркам!

«Уздечка для водяного коня» – так можно будет назвать материал.

Он встал, подошел к окну. Погода на дворе испортилась.

«Ну да, – скривился, рассматривая потемневший от дождя асфальт и низкие, клочковатые тучи. – Как у меня выходной, так дождь».

Заняться, в сущности, было нечем. Все, что хотел, понял и узнал вчера – мощным интеллектуальным марш-броском.

Анна К. – психопатическая личность родом из дурного места, вроде ростовских душегубов, подвигнута на убийственный путь извращенным супругом, а теперь еще извлекает прибыль из своего преступного опыта... Надо найти ее скорее!

И тут он припомнил один из немногих репортерских провалов – местную ясновидицу. Она интервью не дала, но и за порог его не выставила. Наоборот, пригласила заходить...

Трубку у Ксении Петровны сняли на третий звонок.

– Ксения Петровна, это Андрей из «Крестьянской газеты» – помните?

– Да, как же... Я на работу спешу, Андрей.

– А вечером можно к вам подойти? Дело важное...

– После половины шестого я, наверное, буду... Позвоните предварительно...

– Ты чего пришел, богатырь? – удивился Борода, услышав, что кто-то отпирает вторую комнату редакции.

– На компьютер и факс.

– По свои делам?

– Да не сказать... С вашим конем хочу кардинально разобраться.

– Икону видел в монастыре?

– А как же! Только там такой же конь, как я – Ирина Хакамада.

– Эт точно, – хихикнул главный.

– Я хочу, чтобы ребята из одной московской лаборатории подъехали и промеряли Озерки своими приборами – что здесь за аномалии такие. Все на базе НИИ земного магнетизма. Научные работники.

Андрей сел и набросал письмецо своим давним героям. Позвонил в лабораторию, застал второго человека в тамошней иерархии – Валерия Ивановича, профессионального физика и прирожденного лозоходца. Это был странновато-тихий человек с длинными русыми волосами, которого надо было время от времени просить говорить чуть громче – он скатывался на шепот.

Андрей объяснил ему ситуацию, сунул в факс подметное письмо. Через десять минут Валерий Иванович перезвонил. Судя по тому, что его было слышно без понуканий, Андрей понял: тот очень взволнован.

– Неплохо бы биологов привлечь – пусть выяснят, что там за кони-люди у нас водились.

Валерий Иванович обязательно настропалит своего шефа, удивительно не похожего на него, громогласного, мгновенно заполняющего собой окружающее пространство человека, и тот организует экспедицию.

– Михал Юрич, а Костик в понедельник выйдет? Если геофизики приедут, фотографии бы неплохо сделать.

– А, да... Водяной конь им вряд ли попадется, но поснимать надо...

Чтобы скоротать время до вечера, Андрей сел писать заметки о монастыре.

На улице просветлело, дождь перестал постукивать о жестяной подоконник, в легких весенних тучках появились голубые просветы.

– Михал Юрич, как до этих Озерков добраться? Надо ж мне хоть слегка ориентироваться, когда мои эниологи¹ со своими агрегатами навалятся.

– Разумно. На тебе ключи, только до вечера верни. Мне завтра с утра кое-куда подъехать надо. До Озерков – по Рязанскому шоссе, но не туда, куда ты в монастырь ездил, а к Москве. Только не пропадай, я тебя умоляю.

– Не пропаду, – хмыкнул Андрей. – Русалки от зимней спячки еще не очнулись.

– Тогда давай. Да, вот еще что – заедь по этому адресочку, поспрашивай...

Путь проходил мимо восстановленной к восьмисотлетию юбилею города крепостной стены. Непонятно, кому пришлось бы в голову штурмовать эту краснокирпичную громадину... Только отчаянно злым кочевникам...

Указатель «П. Озерки» появился неожиданно. Поселок состоял из сравнительно новых, похожих друг на друга частных домиков – три окошка в деревянных резных ставнях. Мелькнула пара двухэтажных кирпичных новоделов.

Андрей вынул шпаргалку. На листочке значился третий дом от въезда в поселок. Спросить надо было Павла Никитича.

«Поди, дед какой-нибудь фольклорный. А наводка главного – скрытое задание сделать душевный очерк о ветеране».

Размышляя, Андрей проехал слишком далеко и, пользуясь тем, что в будний день поселковая дорога-улица была пуста, вернулся задним ходом. Из-за штaketника за его упражнениями наблюдала пожилая женщина.

– Здравсте, а Павла Никитича можно видеть? – спросил Андрей.

– А вы кто будете?

– Я от Михал Юрича Бороды привет привез. Пал Никитич дома?

– А вы чего от него хотите?

– Так это я ему скажу. Вы же не Пал Никитич, насколько я понимаю?

Баба, обиженно поджав губы, ощупывала его беспокойным взглядом.

– Что там случилось? – На деревянном крылечке появился невысокий пожилой человек, на ходу набросил на плечо спортивную куртку.

Андрей вышел из машины.

– Мне бы Павла Никитича повидать.

– Я Павел Никитич. Вы от кого?

– От Михал Юрича Бороды – знаете такого?

– Ну, как не знать... Вы по газетным делам?

«Ох, господи, хоть у этого мозги не набекрень».

– Можно сказать и так, – пробормотал Андрей, забирая из машины борсетку с удостоверением и диктофоном.

– Ну, проходите в дом.

Андрея все время, которое он жил в этом городе, поражало, что частные дома были удивительно маленькими изнутри. То ли не под его современный рост строены, то ли еще что...

«Пара лет жизни в этом городе – и у меня разовьется клаустрофобия...»

Он вспомнил, что нужно выполнить местнотимый ритуал разувания до носок. Он присел и расшнуровал кроссовки. Бабка ревниво отследила процесс от начала до конца.

– Мать, чаю нам дай? Ну, как там Михал Юрич?

– Нормально. Старается удержать газету на плаву.

– А вы давно работаете? Что-то я не припоминаю...

¹ Эниология (энергоинформационный обмен) – псевдонаука, изучающая загадочные феномены, не укладывающиеся в рамки традиционной науки.

– С Нового года. На усиление пригласили. Мне Михал Юрич намекнул, что вы можете рассказать много интересного об истории этого поселка.

Старик хитро улыбнулся:

– Я не только про поселок рассказать могу, поскольку с 1953 по 1979 год возглавлял здешние компетентные органы.

«Слава тебе господи, что не с тридцать седьмого по пятьдесят третий», – подумал Андрей и, выдав фирменную улыбку, сказал:

– В таком случае вы просто кладезь премудрости. Но меня пока интересует то... из ряда вон выходящее, что происходило здесь. Планируется научная экспедиция из Москвы...

– Радиация у нас, что ли? – недовольно промолвила бабка, со стуком расставляя на столе чашки.

– Да нет, не думаю. Просто проверят наличие естественных аномалий. Вы ведь давно здесь живете?

– Живем мы тут почти семьдесят лет, – сказал Пал Никитич, – только поселок был не здесь. Сейчас это, считай, не Озерки вовсе, одно название. Само село Озерки было километрах в трех отсюда.

– И что с ним стало?

– А под воду ушло, можно сказать.

– Как град Китеж?

– Да... Вам ведь ваш начальник про водяного коня рассказывал?

– Глупости все это, – опять не удержалась от замечания бабка, гужевавшаяся тут же и явно подслушивавшая беседу.

– Сколько я помню, эта местность славилась самыми красивыми невестами и этой вот лихоманкой – водяным конем, который людей таскал. А в тридцатых годах органы провели облаву и его подстрелили...

– Подстрелили? Вот этого Михал Юрич Борода не говорил...

– А он может и не знать – засекречено было. Так вот, когда зверя этого товарищи из органов изничтожили, уровень воды, как в наказание, стал быстро подниматься, село подтопило, и его ближе к городу перенесли. А в семидесятых годах оставшихся жителей в город, в хрущевки переселили. Только десяток домов остался, это уже не Озерки – один топоним. И вместо села, и вместо маленьких озерков теперь одно большое озеро – Светлое. Ученые говорят – естественный процесс. В летописях упоминается, что озеро раз в тридцать-сорок лет то сходит, то наполняется – словно дышит.

– Красиво – как огромное животное... А что с этим конем стало?

– Останки увезли в Москву, засекретили, и на этом все дело кончилось. Может, где-то в спирту хранится... Да ты чай пей!

– А вы не можете меня туда проводить – на это озеро? – просительно поглядел на старика Андрей. – Чтобы я знал, куда ученых с аппаратурой везти...

– Еще чего – на ночь глядя – в такую даль! – недовольно фыркнула старуха.

Андрей глянул на часы – было без четверти четыре. Озеро, по словам деда, находилось в паре-тройке километров.

– Ты погоди, мать... Люди важное дело делают. Надо помочь... У тебя сапоги есть? Там сейчас грязно, топко.

– Мы далеко не пойдем, так – предварительная рекогносцировка, – предупредил Андрей старуху, уже разинувшую рот для протеста.

Дед напялил на себя литые резиновые сапоги с ременными ушками, и они вышли к машине.

– Ты, парень, на мою старуху не обижайся. Я при ней тебе не все сказал про здешние места. У нас еще одна напасть есть... Я тебе сказал, что в Озерках прежде самые красивые невесты в округе были?

– Да.

– А вот мужики в Озерках никак жить не хотели. Прямо заповедник какой-то – бабий... Если парень смолodu в город или в другое село не уедет, дай бог, если лет до сорока протянет. И хоть красивые девушки в Озерках были, а замуж их брали с опаской. Вдовели они быстро... Не все, конечно, но многие – довольно, чтобы люди опасаться стали.

– Ох, что-то я про это уже слышал краем уха, – пробормотал Андрей. – И еще говорят, здесь русалки мужчин воруют. Жена вас на озеро пускать не хотела – боялась, утащат?

– А может, и так. Я как на пенсию вышел, много об этом размышлял, запросы делал, вырезки собирал – только ни до чего путного не додумался. Концы с концами не сходятся.

«Ох, Пал Никитич, как я вас понимаю!»

– Ну, может, приедут ребята из Москвы, разберутся, что у вас тут за природная аномалия.

– Может, да, а может, и нет.

Асфальт перешел в грунтовку, потом и она, уткнувшись в заросли вербы, сошла на нет. Снега, рыхлого и сырого, здесь было достаточно. Местность плоская, талой воде сходить некуда, и через несколько шагов у них под ногами смачно захлюпало.

– Ну, чего, дальше пойдем или тебе хватит?

– А озеро где?

– Да, считай, ты уже в нем стоишь... Берегов у него нет, так – чисто условно. То лето было сырое, даже рыбаки сюда не ходили – до чистой воды не доберешься. А до этого два лета подряд засушливыми были, так озеро почти до нормального берега ушло, с которого я в детстве сигал. Все, дальше не идем – топь. Не судьба тебе, сынок, Светлое увидеть.

Старик шел в десяти шагах впереди, почти по колено в темно-коричневой воде. Красно-ватые заросли вербы впереди оборвались, оттуда веяло тяжело-погребным, ледовым холодом – видно, озеро еще не скоро освободится от зимней спячки.

– Я и так немало сегодня узнал.

Высаживая старика у дома, Андрей спросил:

– А можно будет к вам обратиться, когда мои люди из Москвы придут? В качестве консультанта поучаствуете? С вашим опытом сам Бог велел.

– Отчего же нет... Жив буду – поспособствую.

В город Андрей ехал, поторапливаясь. Было около пяти вечера – время сдавать машину Бороде и выдвигаться на консультацию к ясновидице.

«Русалки... Может, Анна К. никакая не душегубка, а просто... русалка? Так и спрошу у Ксении Петровны – как по вашему бухгалтерскому разумению, русалки в наше время встречаются?»

Дома Андрей наспех отмыл от коричневых корок кроссовки, переделся поприличнее – все-таки важный визит.

Снаружи было уже холодно. Который день не замерзающие лужицы покрывались коварным ледком.

«М-да, и шапочка лыжная не помешала бы, и шиповки... Март – противник непредсказуемый, как боксер-левша».

Открыл Андрею парень лет пятнадцати.

– Гоша, в комнату гостя проводи, – послышался голос Ксении Петровны.

Она вышла к нему в бесформенной мохеровой кофте.

– И о чем же вы у меня хотели спросить? – слегка устало, но вполне доброжелательно спросила, садясь напротив в кресло.

– Может быть, вы мне хотя бы приблизительно подскажите, где находится одна молодая женщина... Она работала у нас в газете, потом перешла в другую, сейчас где-то прячется, хотя примерно месяц назад была жива и здорова...

Андрей протянул газету со статьей Анны К.

Ксения Петровна мельком пробежала по странице взглядом.

– Я оставил свой телефон ее родственникам, но почему-то уверен, она не позвонит.

– Так не надо думать, а то действительно не позвонит.

Ясновидица улыбнулась чуть лукаво.

– Ей скажут, какой интересный молодой человек ее разыскивал, женское любопытство разыграет, и она позвонит.

– Думаете?

– Уверена.

– Да, но где она сейчас – можете сказать?

– А фотографию вы не принесли? Жаль. Так я ничего не могу увидеть. Вы ее не знаете, я ее не знаю – как я могу хоть что-то нащупать?

Она пожала плечами, посмотрела напряженно куда-то мимо него.

– Если сейчас у нее на душе спокойно, я ее все равно не смогу найти. Вот когда человек страдает, ищет поддержки, или ждет помощи – тогда я сразу могу сказать, где он. Словно голос услышу. А так... Не получится.

Андрей замялся.

– Факты говорят за то, что она... не очень хороший человек. Даже злой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.